

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД Л.С. ВЫГОТСКОГО И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ¹

© 2008 г. Е. В. Улыбина

*Доктор психологических наук, профессор, Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, Москва
e-mail: ulib@mail.ru*

Выделяются общие основания теории когнитивной метафоры и культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Отмечается, что в работах Выготского содержатся положения, которые могут быть использованы для дальнейшего развития теории когнитивной метафоры. В частности, в качестве первичного референта, обеспечивающего понятие значением, может быть рассмотрена ситуация социального взаимодействия, которая определяет метафорический характер закрепления опыта.

Ключевые слова: когнитивная метафора, культурно-историческая психология, житейские и научные понятия.

Обращение к работам Л.С. Выготского позволяет увидеть возможности дальнейшего развития некоторых идей современной психолингвистики, в частности теории когнитивной метафоры, что определяется наличием общих оснований в понимании процесса формирования понятий. Говоря об онтогенезе мышления, Выготский рассматривал житейские понятия как этап формирования научных понятий. Он отмечал, что житейские и научные понятия имеют разный генез, разную структуру, разные принципы функционирования, однако это не препятствует их глубокой взаимосвязи и взаимовлиянию.

Житейские понятия представляют собой один из вариантов мышления в комплексах, предполагающий объединение элементов по конкретным ситуативным признакам. Результаты исследований показывают, что подобное “нелогичное” объединение предметов является своего рода универсалией. В знаменитых экспериментах с построением искусственных понятий по методике Выготского–Сахарова ребенка никто не учил объединять кубики и цилиндры по принципу ассоциации: красный кубик подходит к красному конусу по цвету, синий конус – по форме, большой зеленый куб – по размеру и пр. Ребенку так удобно, таким же образом он объединяет впечатления в обыденной жизни, утверждал Выготский. Общим для всех типов комплексов является отсутствие единого основания, связывающего элементы. “Наилучший пример, позволяющий вскрыть

основной закон построения того или иного мыслительного комплекса в нашей речи, – фамильное имя... Ребенок, находящийся на этой стадии развития, мыслит как бы фамильными именами, или, иначе говоря, мир единичных предметов объединяется и организуется для него, группируясь по отдельным, связанным между собой фамилиям” [2, с. 140]. Объединение по фамильному принципу осуществляется не по законам логики, а по фактической связи, открываемой в непосредственном опыте; не по свойствам самих объектов, а по свойствам контекста – особенностям их использования, местоположения и пр.

Исследования Выготского показывают, что объединение на основе конкретных признаков при непостоянстве основания воспроизводится и в том случае, когда прямое влияние социальной ситуации отсутствует (например, когда ребенок создает искусственные понятия, группируя геометрические фигурки). Этот принцип объединения предметов не отрицает как несовершенный и ошибочный, он оказывается столь удобным, что сохраняется и у взрослого, составляя существенную черту человеческого мышления.

Обращение к практике сближает взгляды Л.С. Выготского с работами Ж. Пиаже. Однако в отличие от Пиаже, который описывал дооперациональное мышление ребенка дошкольного возраста (мышление в комплексах) через ошибки и иллюзии, несоответствие формальной логике, Выготский отмечает, что житейские понятия, формирующиеся на основе повседневного опыта ребенка, содержат действительно значимые способы объединения предметов – по характеру их употребления, частотному сочетанию и пр. “Ре-

¹ Статья представляет собой главу из будущей монографии “Безумие как метафора: культурно-исторический подход к проблеме границ нормы и патологии”, принятой к публикации издательством РГГУ. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 05-06-80022а).

бенок начинает объединять однородные предметы в общую группу, комплексировать их по законам объективных связей, открываемых им в вещах” [2, с. 139]. Т.е. мышление в комплексах отражает то, что уже фактически существует на практике, оно основано на успешном опыте и позволяет ребенку решать определенные задачи. В силу своей сцепленности с решением конкретных практических задач разного рода, мышление в комплексах должно сохраняться и у взрослых, образованных представителей европейской культуры, а в некоторых других культурах служить основной формой категоризации впечатлений².

Механизмом образования понятий в онтогенезе и в истории языка Выготский называл метафору. “Если мы обратимся к истории развития слова в каждом языке и к перенесению значения слова, то увидим... что слово в процессе развития меняет свое значение таким же образом, как и у ребенка” [там же, с. 164]. Идеи метафоры, лежащей в основе формирования понятий, получили развитие в современной когнитивной лингвистике. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон: “...большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор; т.е. большинство понятий понимается с помощью тех или иных частей других понятий” [7, с. 230]. Лакофф, развивая эту идею, постулирует принципиальное единство образного и абстрактного мышления: «Я утверждаю, что образные схемы определяют большую часть того, что мы обычно говорим об абстрактных областях. Когда мы осмысливаем что-то как абстрактную структуру, мы понимаем эту структуру в терминах образных схем» [6, с. 368]. С этих позиций абстрактное мышление – лишь форма образного, и любая абстракция обязательно опирается на зрительный, тактильный, кинетический или другой чувственный опыт, который не всегда очевиден.

Лакофф утверждает, что мышление человека гомогенно во всех областях практики – в быденной жизни, политике, науке. Он разрушает иллюзию о существовании объективной, строгой научной истины, независимой от человеческого опыта, от точки зрения и пр. Согласно многочисленным исследованиям психологов и лингвистов, категории, которые используются людьми и для решения научных проблем, и в быту, не совпадают с понятиями, определяемыми в рамках формальной логики, но очень близки вариантам комплексов, описанным Выготским. Элементы, включен-

ные в понятия, могут быть неоднородны и объединены не по общему основанию, а прежде всего, на основе практики, контекста, эмоциональной и функциональной значимости и пр. Эффекты прототипичности, которые описала Э. Рош, свойственны не только языкам представителей архаических культур, они являются универсальными и определяют характер сохранения любой информации у всех людей. На анализе большого количества лингвистического материала из разных сфер человеческой практики, включая содержание научных теорий и научных классификаций, Лакофф и Джонсон показывают, что те явления, которые Выготский характеризовал как проявление мышления в комплексах, свойственны всей познавательной деятельности человека, и это фактически стирает разницу между быденным и научным знанием.

Обращение к метафоре значимо в контексте решения общего вопроса, касающегося теории познания. Говоря о неспецифичности научного знания относительно “житейского”, Лакофф затрагивает старую, хорошо известную дискуссию о возможности использовать формальную логику для описания процессов мышления человека (научного мышления). В соответствии с общими положениями формальной логики можно построить теорию, содержание понятий которой могут быть выведены из связи с другими понятиями в рамках этой теории. Данные положения опираются на введенный Г. Фреге критерий истинности, согласно которому суждения рассматриваются как соответствующие правилам формального манипулирования символами. “Для логического анализа, по мнению Фреге, интересны прежде всего отношения между знаками, а не между знаками и их референтами” [1, т. 2, с. 13]. Любое грамотно построенное теоретическое утверждение может быть проверено лишь через соотнесение с другими теоретическими положениями, системой понятий и правил их употребления, и что особенно важно, не требует обращения к референту, чему-либо выходящему за рамки теории. В таком случае любая система категорий может быть понята исходя из самой себя, и на ее основе построено “неметафорическое”, точное знание, не зависящее от внешних факторов. “Правильность” любого знания может быть проверена с помощью математических методов, а идеалом научного мышления служит математическая логика. Теория значения в этом случае определялась бы как теория математических моделей.

“Логический подход к природе значений особенно сильно повлиял на исследование процессов репрезентации знания в когнитивной психологии... Одна из соответствующих линий рассуждения представлена работами Н. Хомского, Дж. Катца и Дж. Фодора. Она восходит к теории абстракции Дж. Локка и связана с выделением атомарных

² Выдвигая подобные предположения, Выготский во многом опирался на собственный житейский опыт, поскольку целенаправленным изучением “естественного” мышления взрослых он не занимался. Эта проблема попала в сферу научных интересов много позже, и полученные результаты подтвердили гипотезу Выготского.

семантических признаков, посредством которых описывается значение слов и определяется истинность их комбинаций» [там же, с. 13–14]. Согласно Хомскому, язык понимается как множество рядов неинтерпретируемых элементов (символов), порождаемых правилами их производства, а значит, законы математической логики могут быть распространены и на законы человеческого мышления в целом, и на построения понятий в частности. Именно это предположение и придает смысл разделению мышления на “обыденное” и “научное”, “допонятийное” и “понятийное” в терминологии Выготского, “дооперациональное” и “операциональное” в терминологии Пиаже. Другой подход опирается на работы Р. Карнапа, М. Шлика, Р. Райхенбаха и др., утверждавших, «что осмысленными научными высказываниями являются лишь два класса утверждений: логикоматематические высказывания, валидность которых оправдана соответствующими формальными правилами, и так называемые “протокольные предложения” – констатации, непосредственно проверяемые физическим наблюдением» [1, т. 1, с. 58]. Любая действующая (эффективно действующая) формальная система в основе содержит явную или неявную отсылку к внесистемной реальности, наделяющей понятие значением. «Некоторые важные аспекты индуктивной логики могут быть формализованы (хотя адекватная формализация остается спорной), однако всегда сохраняется потребность в суждениях о “разумности”, вне зависимости от того, будут ли они построены посредством выбора словаря на “отображаемые” и “не отображаемые” предикаты или же каким-то иным образом» [8, с. 169].

Итак, метафора выступает в качестве базового механизма познания потому, что невозможно создание непротиворечивых формальных логических систем, построенных на определении значения через связь с другими значениями, без отсылки к референту, находящемуся за пределами самой логической системы: “никакой автономный синтаксис не может быть обеспечен адекватной теорией значения” [6, с. 335]. Метафора устанавливает связь с тем, что уже присутствует в опыте, но цепочка того, к чему она отсылает, должна где-то заканчиваться. Вслед за многими другими Лакофф стремится найти ту референцию, которая обеспечивает понятия значениями. Если есть переносное значение, то должно быть и буквальное, неметафорическое, в качестве которого Лакофф и Джонсон предлагают рассматривать непосредственный телесный опыт. «Поскольку обнаруживается системная корреляция между нашими эмоциями (такими, например, как счастье) и сенсомоторным опытом (таким, например, как прямая поза тела), это формирует основу ориентационных метафорических концептов (таких, как *happy is up*, дословно переводимого “сча-

стье соответствует верху”). Подобные метафоры позволяют нам концептуализировать эмоции в более четко определенных терминах, а также соотносить их с другими концептами, связанными с идеей общего благополучия (например, здоровье, жизнь, контроль и т.п.) В этом смысле мы можем говорить о возникающих метафорах и возникающих концептах» [7, с. 94–95]. Разумеется, с некоторыми оговорками. «Было бы заблуждением говорить о непосредственном физическом опыте как о ядре непосредственного опыта, который мы затем “интерпретируем” в терминах нашей концептуальной системы. Культурные представления, ценности и установки нельзя рассматривать как концептуальное покрывало, которое мы можем абсолютно произвольно набрасывать на наш опыт. Более корректно утверждение, что опыт составляет плоть нашей культуры, что мы познаем “мир” так, что наша культура уже включена в каждый акт познания-опыта» [7, с. 94].

Авторы отмечают, что именно физический опыт является наиболее применимым для того, чтобы стать основой для формирования понятий. “Для описания оснований понятийной системы, пожалуй, наиболее важно разграничить опыт и то, как мы его концептуализируем. Мы не утверждаем, что физический опыт в каком-либо смысле является более базовым, чем другие виды опыта, такие как эмоциональный, культурный или другой... Говоря об основаниях понятийной системы мы, скорее всего, отстаиваем ту точку зрения, что обычно нефизическое концептуализируется в терминах физического, т.е. мы концептуализируем то, что определено менее четко в терминах того, что определено более четко” [там же, с. 96]. Опыт в теории Лакоффа – это “совокупность человеческого опыта вообще и всего, что связано с ним, – природы нашего тела, наших генетических врожденных способностей, способов нашего физического функционирования в мире, нашей социальной организации и т.д.” [6, с. 347]. Когда Лакофф отмечает значимость социального опыта, он опирается, прежде всего, на опыт функционирования тела. А культурный и социальный виды опыта рассматриваются им как накопленные знания и существующие в культуре концепты, структурирующие непосредственные впечатления в соответствии с принятыми в данной культуре способами.

Позиция Лакоффа представляется вполне убедительной. Его положения не только продолжают идеи Выготского о мышлении в комплексах, но и почти полностью совпадают с утверждениями Пиаже о природе человеческого мышления, о том, что знание отражает не свойства внешнего мира и не свойства структур мозга, а особенности взаимодействия с внешним миром. “Объективное знание всегда соподчинено определенным структурам действий. Но эти структуры являются ре-

зультатом конструкции – они не даны ни в объектах, ни в субъекте, поскольку субъект должен еще учиться координировать свои действия...” [9, с. 325].

Однако и сам субъект также должен быть сформирован, что не учитывается в теории Лакоффа, который настойчиво утверждает, что существуют некоторые концепты, не имеющие опосредования в опыте, и, в свою очередь, опосредующие восприятие опыта – такие, как “субъект”, “субстанция”, “вместилище”. “Мы воспринимаем себя как сущности, отделенные от остального мира, – как вместилища с внутренней и внешней частями... Благодаря зрению и осязанию, мы обнаруживаем границы между вещами, а когда у вещей нет четких границ, мы часто проецируем на них идею границ, концептуализируя их как отдельные сущности, а в ряде случаев и как вместилища (например, леса, поляны, облака и т.п.)” [7, с. 95]. Тем не менее, исследования по развитию психики в онтогенезе показывают, что такие сложные концепты не даны человеку изначально. Как отмечал Пиаже, “... субъект не имеет раз и навсегда заверченный вид: субъект – не что иное, как система действий, совершаемых им по отношению к объектам, и эти действия постоянно преобразуются в соответствии с природой объектов и меняют самого субъекта” [9, с. 213]. По теории Пиаже, образ тела, представление о субъекте и объекте, представление о границах и пространственных перемещениях (концепт пути у Лакоффа) не даны человеку от рождения, их создание требует времени, опыта моторной и сенсорной активности в течение первых месяцев жизни.

Пиаже подчеркивал, что “граница между субъектом и объектом никоим образом не устанавливается наперед и, что еще важнее, не является стабильной... Без долгой практики или без построения рафинированных инструментов анализа и координации он (ребенок. – Е.У.) не может понять, что принадлежит объектам, что принадлежит ему самому как активному субъекту и что принадлежит самому действию, взятому как трансформация начального состояния в конечное” [там же, с. 234]. Так, по исследованиям Пиаже, представление о константности объекта формируется у младенца лишь к 6–7 месяцам. “В эмпирическом мире младенца еще нет субъекта, который воспринимал бы себя в качестве субъекта, отдельного от воспринимаемых объектов. Таким образом, первые мнемические регистрации имеют место в абсолютно недифференцированной эмпирической сфере, и обычно лишь со второй половины первого года жизни появляются свидетельства того, что психические восприятия младенца сгруппировались в первые грубые самостные и объектные образы” [11, с. 31].

В формировании понятий присутствует в определенной мере и биологическая заданность. “На вопрос, почему математика применима к физической реальности, если она является абстракцией не физического опыта, а общих координат действий, можно получить ответ в биологии – области, касающейся самих основ нашего познания; биология изменчивости и эволюции даст ответ скорее, чем психология ребенка” [9, с. 224]. Биология обеспечивает только потенциальную возможность познания, которая может быть реализована при нормальных условиях развития ребенка. Многие сенсорные способности, в частности первичная интегрированная реакция зрительных и моторных координат, распадаются с возрастом, а последующая способность к соотносению зрения и моторики строится уже на основе научения. Биологическая детерминация способности к категоризации опыта не снимает вопроса о том, каким образом формируются представления о теле, о пространственной схеме тела и перемещении в пространстве, которыми мы пользуемся во взрослой жизни. Но и для Лакоффа, и для Пиаже тело, телесный опыт – это предельная реальность, дающая возможность успешной адаптации. Тело и созревание сенсорных систем при наличии практики взаимодействия с миром обеспечивают опору на непосредственное знание. Именно в этом пункте теория Выготского дополняет созданную намного позже теорию когнитивной метафоры. Лакофф и Джонсон исходят из совершенства биологической природы тела и психики, уже готовых к эффективному функционированию в среде, но это допущение не совсем верно.

Многие (если не все) элементы картины мира, которой мы располагаем, представляются нам данными непосредственно. Границы между субъектом и объектом, границы собственного тела и его размещение в пространстве по отношению кверху и низу воспринимаются как не вызывающие сомнения. О существовании пингвинов или Карла Великого я могу и не знать, но то, что у меня есть рука (или ее нет), и, если есть, то она часть моего тела – это очевидно. Однако так лишь кажется. Достаточно вспомнить известный вопрос Н. Винера про механика, который чинит машину рукой-протезом. Что такое протез в данном случае – часть тела или часть машины? Телесные границы только кажутся ясными и понятными, но в реальности они подвижны и определяются как особенностями конкретной ситуации, так и предшествующим личным и социально-культурным опытом (о чем свидетельствуют, например, фантомные боли). “В онтогенезе человек усваивает не только категории экстрацептивного восприятия типа геометрических форм, цветов спектра, фонем языка и пр., но и социально выработанные формы восприятия и проявления телесности, в том числе и интрацептивные болезненные ощу-

щения...” [10, с. 47]. Субъективный образ тела не априорен, он не дается, а формируется под влиянием множества факторов. И главное, что этот процесс вариативен, его окончательный результат может различаться.

Как уже было сказано, биология человека “настраивается” на существование во внешней среде достаточно долго в ходе активности самого ребенка. Во многом активность задана природными предпосылками, например, заставляющими младенца с первых минут жизни поворачивать голову на звук, искать глазами похожие на лицо человека изображения и пр. Но этой биологической заданности совсем недостаточно для нормального развития. Имеющиеся возможности будут реализованы только в определенных условиях, базовым компонентом которых является эмоциональное взаимодействие ребенка со взрослым. Для возникновения дифференциации субъекта и объекта необходимо, чтобы первичные сенсорные впечатления были связаны с переживанием удовлетворения, прогнозируемого и получаемого в достаточном количестве. Нужно, чтобы были соблюдены многие условия. Например, очень важно, что бы эти впечатления были одними и теми же – чтобы ухаживающий объект менялся не слишком часто. Однако “главным условием для того, чтобы восприятия удовлетворения стали полезным исходным материалом для первых самостоятельных и объектных образов, является их адекватная синхронизация во взаимодействии мать–ребенок. Все ранее упомянутые условия вторичны по отношению к этому и становятся вполне спонтанными лишь при его наличии и должном функционировании” [11, с. 47].

В свое время Выготский писал о взаимодействии матери и ребенка как о ключевом моменте развития и основе новообразований в психике ребенка. Лакофф часто повторяет, что, анализируя мышление человека, необходимо учитывать и биологическую природу человеческого организма: “для разума не несущественно, что у нас есть тела, и что наши способности понимания и мышления простираются далеко за пределы того, что может машина” [6, с. 16]. Но для разума также значимо и то, что наши тела несовершенны и не позволяют нам эффективно адаптироваться к реальности только за счет работы органов чувств, мышц и пр. Для адаптации требуется опора на коллективный опыт, усваиваемый при участии другого, процесс взаимодействия с которым преобразует структуру психического отражения, наделяя непосредственные впечатления семиотической структурой.

Выготский не использовал машинную, а тем более компьютерную метафору, говоря о психике человека. Согласно Выготскому, превосходство над машиной, так же как и над животным,

определяется именно несовершенством телесной организации. Недостаточность телесных возможностей человека делает необходимым обращение к дополнительным средствам – орудию и знаку. “Неудавшееся хватание, которое у животного отмирает как не достигшее цели, у человека, благодаря социальному окружению начинает выполнять новую функцию и является, в сущности, истинным источником всех его культурных форм поведения” [4, с. 325]. Развитие начинается с ошибки тела, которая открывает новые возможности за счет использования социального окружения как орудия.

В теории Выготского процесс развития психики человека рассматривается как процесс преобразования натурального уровня в культурный за счет опосредования знаком. Это опосредование происходит на основе интериоризованного коммуникативного действия. “Ребенок, который говорит по мере решения практической задачи, связанной с употреблением орудий, и объединяет речь и действие в одну структуру, привносит, таким образом, социальный элемент в свое действие и определяет судьбу этого действия и будущий путь развития своего поведения... Его поведение социализируется” [5, с. 29–30]. Этому интимному межличностному взаимодействию Выготский придавал очень большое значение, рассматривая его как основу развития психики и основу культуры в целом. Культура возникает там, где недостаточен непосредственный опыт, где приходится достраивать неудавшееся хватательное движение – данное от природы телесное приспособление.

Первичный кинестетический опыт строится по типу условно-рефлекторной связи, где условный стимул однозначно связан с возможностью безусловного подкрепления, на роль которого с наибольшим основанием может претендовать эмоциональное переживание. «Формой ядерного субъективного существования выступает категоризация в виде эмоционально-оценочных конструктов, представляющих сущность своеобразного “первовидения”... при восприятии и опознании объекта в условиях дефицита времени и (или) возможности манипуляции стимульным материалом... была показана ведущая роль системы эмоционально-оценочных категорий по сравнению с гностическими – типа цвета и формы» [10, с. 47]. В онтогенезе существенно изменяются, дифференцируются, дополняются основания для эмоциональной оценки стимула, но уже при рождении ребенок имеет способность оценивать разного рода ощущения как приятные или неприятные (полезные–вредные). Известно, что при повышении значимости ситуации сужается семантическое пространство восприятия, и доминирующим (или даже единственным) параметром становится параметр эмоциональной оценки.

То, что непосредственный моторный опыт не может служить основой, базовым концептом, на котором строится вся последующая система значений, подтверждают хорошо известные данные, что нарушение эмоционального общения ребенка со взрослым приводит к нарушению в развитии не только эмоциональной сферы, но и когнитивных структур, включая нарушения в формировании представления об устойчивости объекта. В качестве иллюстрации рассмотрим данные Р. Шпица о влиянии депривации аффективного контакта с матерью на психическое развитие ребенка.

Наблюдения Р. Шпица за развитием детей, растущих в тюремных интернатах и лишенных полноценного эмоционального контакта с матерями, показали, что при наличии пищи и тепла у младенцев не формируются базовые когнитивные структуры, опыт спонтанной активности не приводит к познанию свойств предметов, не стимулирует развитие моторной координации и т.д. “Развертывание аффективного восприятия и аффективного взаимодействия предшествует всем остальным психическим функциям; последние в дальнейшем развиваются на основаниях, заложенных аффективным взаимодействием. Аффекты сохраняют главенствующую роль на всем протяжении развития, по крайней мере, до конца первого года жизни” [12, с. 145]. Если дети были лишены контакта с матерью на период, превышающий пять месяцев, и получали примерно 10% от нормального уровня эмоционального контакта с ухаживающим взрослым, у детей развивался синдром госпитализма. “Наши тесты выявили у этих детей прогрессирующее снижение коэффициента развития. К концу второго года жизни этот коэффициент в среднем соответствовал 45% от нормы, то есть уровню развития идиота” [там же, с. 273].

Опыт Шпица и его сотрудников показывает, что способность выделять из потока разнообразных сенсорных впечатлений отдельные значимые объекты и соответственно проводить границу между собой и внешним миром становится возможной только при наличии устойчивых эмоциональных контактов с матерью или другим постоянным ухаживающим объектом. “Только после того, как установятся отношения с либидинозным объектом и будет достигнуто его постоянство, ребенок сможет вступать в отношения с неодушевленными предметами” [там же, с. 241]. Если этого не возникает, если матери, как это было исследовании Шпица, не проявляют нежных чувств к ребенку, то возникают серьезные нарушения в физическом и психическом здоровье ребенка, включающие в себя и отсутствие представления о стабильности объекта, о границах собственного тела и пр. «Другими словами, противоречивое и непостоянное поведение матери приводит к тому, что в памяти ребенка откладываются конфликт-

ные репрезентанты объектов. Этот резерв следов памяти не допускает слияния направленных на мать влечений в единый либидинозный объект. Подобный опыт не допускает создания объекта, сохраняющего свою идентичность в пространстве и времени. С точки зрения развития репрезентация объекта не тождественна самой себе из-за постоянных отклонений и перепадов в “температурном режиме” эмоций матери» [там же].

Шпиц интерпретирует данные в терминах психоаналитического подхода, с которым можно соглашаться или не соглашаться, особенно когда речь идет о либидинозном объекте. Но необратимые когнитивные нарушения при определенном уровне эмоциональной депривации – это факт, как факт и то, что нарушение эмоционального контакта препятствует и становлению представления о “базовых” свойствах окружающего мира. Анализ патологии развития позволяет говорить о том, что базовая концептуализация лежит не на уровне сенсорного и моторного опыта. Возможность построения образа тела зависит от опыта эмоционального межличностного взаимодействия в младенческом возрасте. Нарушения в межличностном восприятии препятствуют также адекватному использованию абстрактных категорий, при сохранении возможности их понимания.

Для нас важно подчеркнуть то, что первичный опыт включает в себя не тело, а аффект, сформированный в интересубъективном пространстве и закрепляющий это пространство в качестве базового референта. Образ собственного тела, имеющего границы, образ постоянного объекта и знание о возможности перемещаться в пространстве надстраиваются над этим опытом. В тех случаях, когда аффективная жизнь первых месяцев складывается неблагоприятно, возникают проблемы и в когнитивном развитии, и при формировании представления о себе как об объекте.

Ситуация коммуникации в качестве базового референта определяет и семиотический характер строения высших психических функций, социальных не только по происхождению, но и по структуре. В теории Выготского преобразование непосредственного опыта в опосредованный рассматривается на примере преобразования хватательного движения в указательный жест. Действие взрослого преобразует опыт в семиотическую структуру, наделяя движение не только положительным или отрицательным подкреплением, но и коммуникативным значением, имеющим интересубъективную природу и закрепленным в историческом опыте. То, что можно было рассматривать как связь стимула и реакции, становится структурой, в которой можно выделить означаемое и означающее. Означаемое – это то, на что направлено движение ребенка, допустим, яблоко, а означаю-

щее – это то, чем это желание может быть репрезентировано маме, а затем и самому себе – жест, затем слово. Жест отрывается от жесткой связи с подкреплением и начинает жить относительно самостоятельной жизнью, замещаясь другими способами выражения, обогащаясь связями с ними. Это серьезное следствие, позволяющее говорить о семиотической природе человеческой психики, о социальной природе психики не только по происхождению, но и по структуре. Дополняя движение ребенка, взрослый совершает одновременно два взаимосвязанных действия – представляет предмет, удовлетворяющий потребность ребенка и наделяет движение социальным значением. Без семиотического дополнения, только за счет непосредственного опыта, тело не может приспособиться к внешней реальности. А семиотическое дополнение возможно только при наличии интерсубъективного взаимодействия, делающего применение знака необходимым. Анализ патологии развития позволяет говорить о том, что базовая концептуализация лежит не на уровне сенсорного и моторного опыта. Возможность построения образа тела зависит от опыта эмоционального межличностного взаимодействия в младенческом возрасте. Нарушения на уровне межличностного восприятия препятствуют и адекватному использованию абстрактных категорий при сохранении возможности их понимания.

Таким образом, рассматривая идеи Выготского как важное “дополнение” теории когнитивной метафоры, первичной референцией можно считать ситуацию межличностного эмоционального взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2-х т. М., 2006.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1984. Т. 6.
6. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
8. *Патнэм Х.* Разум, истина и история. М., 2002.
9. *Пиаже Ж.* Роль действия в формировании мышления // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. М., 2001.
10. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М., 2002.
11. *Тэхкэ В.* Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М., 2001.
12. *Шниц Р.А., Коблинер В.Г.* Первый год жизни. М., 2000.

L. VYGOTSKY'S CULTURAL-HISTORICAL APPROACH AND COGNITIVE METAPHOR THEORY DEVELOPMENT

E. V. Ulybina

*Sc.D. (psychology), professor, Institute of Psychology after L.S. Vygotsky,
Russian State University for the Humanities. Moscow*

Common grounds for cognitive metaphor theory and cultural-historical theory by L. Vygotsky are emphasized. It is marked that there are statements in Vygotsky's works that can be used for further cognitive metaphor theory development. In particular, situation of social interaction which determines metaphorical character of experience attaching can be considered as a primary referent providing notion with meaning.

Key words: cognitive metaphor, cultural-historical psychology, worldly and scientific notions.